

ПАРОДИЯ НА НЬЮГЕЙТСКИЙ РОМАН У.М. ТЕККЕРЕЯ «CATHERINE» В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

И.А. Матвеевко

Аннотация. Рассматривается проблема передачи художественных особенностей пародии на ньюгейтский роман У.М. Теккерея «Catherine» при переводе на русский язык. Проведенный анализ позволил установить, что такие основополагающие художественные особенности повести Теккерея, как ориентация на ньюгейтский роман и полемика с ним, а также интертекстуальность «Catherine» оказались не переданными при переводе на русский язык.

Ключевые слова: ньюгейтский роман; пародия; перевод; художественные особенности; повествование; интертекстуальность.

Английский социально-криминальный (или ньюгейтский – как его часто называют западные литературоведы) роман первой половины XIX в. – целостная, четко выстроенная жанровая система, порожденная периодом перехода литературы от романтической философии, эстетики и поэтики к реалистической. О переходных периодах в литературе как источниках возникновения новых жанровых структур писал Г.Е. Тамарченко: «Новые жанры чаще всего рождаются на пересечении новых литературных направлений, вызванных вступлением общества в новый этап своей истории, и литературных традиций. Тогда происходит скрещивание традиционных форм (в том числе и жанровых) с новыми общественными и художественными задачами наступающей эпохи» [1. С. 260]. Именно эта переходность определяет особенности конфликтов, характерологию, совокупность мотивов, повествовательных приемов английского ньюгейтского романа, особой романной модели, воздействовавшей на русский роман и как целостное образование, и отдельными составляющими своей эстетики и поэтики. Несмотря на то что ньюгейтский роман полноценно не адаптировался в русской словесности, некоторые его элементы нашли применение у русских литераторов [2].

К жанру ньюгейтского романа в Англии обращались такие писатели, как Э. Булвер-Литтон, Ч. Диккенс, Г.Х. Эйнсворд, в полемику с ними по поводу данной жанровой модификации вступал У. М. Теккерей. Дискуссии о жанре ньюгейтского романа автор «Ярмарки тщеславия» начал на заре своей литературной карьеры, в 1832 г. (после выхода в свет ньюгейтского романа Э. Булвера-Литтона «Юджин Эрам»), в процессе которой сформировались его основные художественные и этические принципы, в последующем отразившиеся на всем творчестве писателя.

Особенно критически Теккерей относился к героизации образа преступника, свойственной ньюгейтскому роману, а также идеализации обстоятельств становления его характера. Именно стремление показать читателю «кто есть кто» в ньюгейтском романе, объяснить «вредные» последствия этого жанра подтолкнули Теккерей к написанию пародийной повести «Catherine» (1840), вышедшей в свет на страницах журнала «Фрейзерс Мэгэзин». Об особенностях пародии писал еще Ю.Н. Тынянов, который выделил как ее основополагающий признак «направленность какого-либо произведения на какое-либо другое (тем более против другого)», утверждая, таким образом, что «пародийность тесно связана со значением этого другого произведения в литературной системе» [3. С. 293–294]. По мнению современных исследователей, «задача переводчика осложняется еще и тем фактом, что художественный текст – это сложно построенный смысл, за значениями языковых единиц которого скрывается целая сеть ассоциаций, смысловых связей, универсальных и национальных концептов» [4. С. 65]. Исходя из этого тезиса, можно полагать, что основная задача переводчика при переводе пародии – сохранить эту интертекстуальность, суметь передать диалектику «свое» – «чужое» в переводимом тексте.

За основу сюжета «Catherine» была взята история из «Ньюгейтского календаря», как это делали большинство «ньюгейтских» авторов. Однако в отличие от них Теккерей выбрал случай нарочито «более жестокий, чем большинство других по отсутствию многозначительной страсти и мрачный по физическому ужасу» [5. С. 152]. Он намеренно лишил повесть всякой романтизации и идеализации обрисовываемых характеров, избежал изображения какой-либо авторской симпатии к своим героям.

Главная героиня повести – безродная служанка Кэт – убегает из трактира, где она служила у своей тетки, с графом Максимилианом фон Гальгенштейном. От него у Катерины рождается ребенок, который воспитывается у кормилицы, и мать знакомится со своим сыном, только когда Том вырос и превратился в отъявленного негодяя. За это время Катерина вышла замуж по расчету за торговца Гейса, и несколько лет спустя она снова встречается со своим обольстителем Максимилианом, который за прошедшие годы смог разбогатеть и получить высокий титул. Нынешний муж Кэт стал ей мешать, и она вместе с сыном Томом и капитаном Броком решает убить Гейса. Не задумываясь, компания реализует свой план, но их преступление оказывается раскрытым, все преступники заслуживают наказания. Такая простота сюжета объясняется исследователями тем, что «автор не преследует цели развлечь читателя, подобно Эйнсворду, или создать напряженную и до чрезвычайности осложненную интригу, подобно Булверу. Все в его повести должно служить следующей цели: отвратить читателя от увлечения романами о ворах и убий-

цах, сделать повесть об их жизни по возможности более отталкивающей и неприглядной» [6. С. 93].

На русский язык это произведение было переведено в 1871 г. и опубликовано в газете «Биржевые ведомости» анонимно. Газета была нацелена на коммерческую аудиторию, и основное ее содержание составляли рекламы, объявления о продажах, биржевые новости. Переводы иностранной литературы включались с целью развлечения деловых читателей, поэтому здесь часто публиковались переводные произведения со значительными купюрами, без каких-либо авторских комментариев. По поводу качества переводов последней трети XIX в. А.В. Фёдоров справедливо замечает, что «они все чаще приобретали ремесленный характер, часто не передавали стилистического своеобразия подлинника. Ухудшение качества переводов выражалось прежде всего в постоянном сглаживании характерных особенностей, разрушающем единство содержания и формы произведения» [7. С. 86]. Тем не менее, сам факт издания «Catherine» свидетельствует и об интересе к жанру ньюгейтского романа, и о популярности творчества Теккеря в России того времени.

Анализ перевода повести-пародии позволяет сделать предположение о том, что данный перевод осуществлялся двумя разными переводчиками, руководствовавшимися противоположными переводческими принципами: до 6-й части (№ 66 газеты) повесть переведена без сокращений, с предельным, иногда дословным приближением к оригинальному тексту, в последующих номерах в переводе часто встречаются пересказы и купюры. Как альтернативу первому тезису можно также выдвинуть гипотезу о смене переводческих установок у одного и того же переводчика после публикации первой половины перевода. В любом случае, при рассмотрении перевода необходимо обращать внимание, в какой из частей газеты он был напечатан и какие переводческие стратегии в нем осуществлялись.

Следует отметить, что в обеих частях переводчик (или переводчики) не обратили должного внимания на оригинальное деление повести на главы. У Теккеря сочинение поделено на пятнадцать глав, каждая из которых имеет свое название, вкратце передающее ее основное содержание. В переводе «Биржевых ведомостей» не соблюдается авторское деление на главы, повесть поделена на части без названий с пометками: «Екатерина. Рассказ В.М. Теккеря. Продолжение».

Выведя в заглавие своего произведения имя главной героини, Теккерей тем самым имитирует традицию ньюгейтского романа называть сочинения именами главных действующих лиц («Поль Клиффорд», «Юджин Эрам», «Оливер Твист», «Джек Шеппард»). Переводчик попытался адаптировать повесть к восприятию русского читателя, назвав ее «Екатерина».

Композиция английской повести, структура повествования, система героев направлены на решение главной задачи автора – критику литературных приемов ньюгейтского романа, которые он считает неэтичными и неэстетичными, неприемлемыми для литературного произведения.

Такие авторские интенции повлияли на образ повествователя, который открыто выражает свое отношение к ньюгейтскому роману, объясняет собственные взгляды на происходящее и героев. Эти многочисленные отступления составляют специфическую часть повести, так как содержат много имен и названий произведений, незнакомых русскому читателю. Возможно, поэтому большая часть авторских ремарок оказалась не переведена в «Биржевых ведомостях», а вместе с ними из перевода ушел пародийный пафос повествования.

Например, остался за текстом русского перевода следующий фрагмент, в котором Теккерей дает ироничное объяснение выбора времени повествования: *«About the year One thousand seven hundred and five, that is, in the glorious reign of Queen Anne, there existed certain characters, and befell a series of adventures, which, since they are strictly in accordance with the present fashionable style and taste; since they have been already partly described in the “Newgate Calendar”;* since they are (as shall be seen anon) agreeably low, delightfully disgusting, and at the same time eminently pleasing and athletic, may properly be set down here» [8. P. 12]. Дословно: *«Около 1705 года, то есть в славные времена правления королевы Анны, существовали некие персонажи и случались всевозможные приключения, которые, так как они строго соответствуют нынешнему модному стилю и вкусу; так как они уже частично были описаны в “Ньюгейтском календаре”;* так как они (как мы увидим позже) привлекательно низменны, очаровательно отвратительны и одновременно исключительно приятны и отталкивающие, могут быть соответственно описаны здесь» (здесь и далее дословный перевод мой. – И.М.).

Справедливости ради следует отметить, что не все подобные пассажи оказались исключены их текста перевода. Например, читатель «Биржевых ведомостей» мог прочитать перевод следующего рассуждения:

<i>Catherine</i>	<i>Екатерина</i>	<i>Дословный перевод</i>
<i>...if the reader fancies from the sketch which we have given of their lives, or from his own blindness and belief in the perfectibility of human nature, that the sun of the autumn evening shone any two men in county or city, at desk or harvest, at Court or at Newgate, drunk or sober, who were greater rascals</i>	<i>...если читатель воображает по очерку их жизни, сейчас сделанному нами, или по своей собственной недалёковидности и по степени веры своей в совершенство природы человеческой, что солнце этого осеннего вечера могло где бы то ни было</i>	<i>...если читатель предполагает из наброска, который мы дали об их жизни, или по своей собственной слепоте и вере в совершенство человеческой природы, что солнце тем осенним вечером когда-либо сияло на другими двумя людьми в селе или городе, за столом</i>

than Count Gustavus Galgenstein and Corporal Peter Brock, he is egregiously mistaken, and his knowledge of human nature is not worth a fig. If they had not been two prominent scoundrels, what earthly business should we have in detailing their histories? What would meddle with dull virtue, humdrum sentiment, or stupid innocence, when vice, agreeable vice, is the only thing which the reader of romances care of hear? [8. P. 19].

сиять над большими мошенниками, чем этот граф Густав Адольф Максимилиан и капрал его Петр Брок, – то он сильно ошибется и его знание человеческой природы не стоит и выведенного яйца. Не будь эти господа отъявленными мошенниками, то что бы нам была за нужда писать подробную их историю! Какое бы дело было до них публике? Кому пойдут впрок бестолковая добродетель, сказочная сентиментальность и глупая невинность, когда лишь о пороке, и об одном исключительно пороке, желают слышать читатели романов! [9. С. 3].

или в поле, в суде или Ньюгейте, пьяными или трезвыми, которые были бы большими негодаями, чем граф Густав Гальгейштейн и капрал Питер Брок, то он глубоко ошибается и его знания человеческой природы не стоят и выведенного яйца. Если бы они не были двумя выдающимися подлецами, то какое нам дело было бы до их подробных историй? Какой интерес в скучной добродетели, банальной сентиментальности или глупой невинности, когда порок, милый порок есть единственный предмет, о котором читатель романов желает слышать?

Теккерей намеренно использует витиеватый, сложный стиль, длинные предложения, пародируя стилистику Э. Булвера-Литтона. Поэтому в данном отрывке присутствуют множество перечислений, сложные метафоры, длинные предложения, патетический стиль. Русский переводчик, при очевидном старании сохранить близость к оригиналу, отступает от него, сокращая перечисление и пропуская знаковую для произведения реалию «Ньюгейт». Меняет переводчик и знаки препинания (два вопросительных знака на восклицательные), не совсем точно подбирает эпитеты «бестолковая добродетель», «сказочная сентиментальность». Хотя в целом приведенный пример – один из немногих полемических отрывков, отражающих взгляд автора на ньюгейтский роман, который оказался переведен на русский язык.

Основное внимание переводчика было обращено на события и поступки героев. В связи с этим, достаточно адекватно была передана система героев повести. Однако и здесь текст подвергся трансформации.

Так, образ главной героини – Катерины – призван показать читателю несостоятельность тезиса Булвера и Диккенса о возможности воспитания благородного человека в преступной среде, остаться неиспорченным, родившись и будучи воспитанным в голоде и нищете. В центре повествования – девушка Кэт, выросшая без родителей, прислуживающая в таверне у своей тетки. С самого начала повести Теккерей не оставляет никакого сомнения в отсутствии каких-либо добродетелей в характере героини:

<i>Catherine</i>	<i>Екатерина</i>	<i>Дословный перевод</i>
<i>...a smart, handsome, vain, giggling servant-girl, about the age of sixteen, who went by the familiar name of Cat ... This young person had been educated in the village poor-house, and having been pronounced by Doctor Dobbs and the schoolmaster the idlest, dirtiest, and most passionate little minx with whom either had ever had to do, she was, after receiving a very small portion of literary instruction (indeed it must be stated that the young lady did not know her letters), bound apprentice at the age of nine years to Mrs. Score, her relative, and landlady of the «Bugle Inn» [8. P. 23–24].</i>	<i>...маленькую красивую прислужницу, лет шестнадцати, известную под именем Кат. ... Эта молодая особа обучалась когда-то в деревенском приюте, но так как доктор богословия, Добс, и школьный учитель признали ее самым ленивым, неопрятным и весьма злобным маленьким зверьком из всех, с какими только приходилось кому-либо иметь когда-либо дело, то она, лет девяти, не выучившись даже азбуке, и была выключена из школы и поступила на воспитание к своей родственнице, миссис Скор, содержательнице трактира «Дикого Быка» [9. С. 3].</i>	<i>...маленькая, красивая, самодовольная, хихикающая служанка, лет шестнадцати, известная под именем Кэт ... Эта молодая девушка обучалась в деревенской богадельне, и, будучи объявленной доктором Доббсом и школьным учителем самой ленивой, неряшливой и вস্যльчивой маленькой распутницей, с которой когда-либо имели дело, она была отдана, после получения очень малой порции грамоты (действительно, следует отметить, что девушка не знала букв) в возрасте девяти лет в ученицы к Миссис Скор, ее родственнице и владелице «Дикого быка».</i>

Поскольку эта характеристика Катерины дана в первой половине повести, переводчик «Биржевых ведомостей» перевел ее, как и всю эту часть текста, достаточно близко к оригиналу, что помогло ему передать образ Кэт в соответствии с установками автора, если не считать несколько тяжеловесных фраз «кому-либо иметь когда-либо дело» и «была выключена из школы». В целом характер Катерины представлен в соответствии с авторскими задачами, однако исключение из текста перевода практически всех упоминаний о «Ньюгейтском календаре» и соответствующем жанре романа, авторских рассуждений о литературной моде и художественных вкусах приводит к тому, что все образы оказываются выведенными из национального контекста и становятся обычными отрицательными персонажами криминальной повести.

Подобный вывод можно сделать и при анализе перевода характеристики капитана Брока. Этот персонаж также был заимствован Теккереем из «Ньюгейтского календаря» и по замыслу автора лишен всякой доброты, о чем можно сделать заключение, прочитав описание его портрета:

<i>Catherine</i>	<i>Екатерина</i>	<i>Дословный перевод</i>
<i>Of those two gentlemen who are about to act a very important part in our history, one only was probably a native of Britain, – we say probably, because the individual in question was</i>	<i>Один из этих джентльменов, которому суждено играть немаловажную роль в нашем рассказе, был, как кажется, родом британец; мы говорим «как кажется»,</i>	<i>Из двух джентльменов, который призваны играть очень важную роль в нашей истории, один был, возможно, британцем по происхождению, – мы говорим «возможно»,</i>

himself quite uncertain, and, it must be added, entirely indifferent about his birthplace; but speaking the English language, and having been during the course of his life pretty generally engaged in the British service, he had a tolerably fair claim to the majestic title of Briton. His name was Peter Brock, otherwise Corporal Brock, of lord Cutts's regiment of dragoons; he was of age about fifty-seven (even that point has never been ascertained); in height about five feet six inches; in weight, nearly thirteen stone; with a chest that the celebrated Leitch himself might envy; an arm that was like an opera-dancer's leg; a stomach so elastic that it would accommodate itself to any given or stolen quantity of food [8. P. 15].

потому что он сам этого положительно не знал, да и мало занимался разрешением этого вопроса. Но так как он говорил по-английски и всю свою жизнь находился на службе Англии, то и считал себя вправе носить столь именитый титул британца. Звали его Петр Брок, иначе капрал Брок драгунского лорда Кэттса полка; от роду ему было лет пятьдесят семь (даже и это было недостоверно известно); роста он имел пять футов и шесть дюймов; весил более одиннадцати пудов с половиною; грудь у него была широкая, развитая, а руки походили на хорошие ноги балетного танцора; желудок его был так растяжим, что легко прилаживался ко всякому количеству как получаемой, так и краденой пищи [9. С. 3].

потому что человек, о котором идет речь, сам был неуверен, и что необходимо добавить, совершенно равнодушен по поводу своего происхождения; но говоря на английском языке и служа всю свою жизнь в Британской армии, у него была достаточно твердая уверенность в том, что он имеет величественный титул британца. Его звали Питер Брок, или капрал Брок драгунского полка лорда Каттса; ему было около пятидесяти семи (даже в этом пункте нельзя быть полностью уверенным); ростом около пяти футов и шесть дюймов; весом около тринадцати стоунов; с грудью, которой сам знаменитый Лейч мог бы позавидовать; с рукой как нога балетного танцора; с желудком, таким эластичным, что он приспособлялся к любому поданному или украденному количеству пищи.

Герой Теккеря обладает сомнительными характеристиками, позволяющими ему легко приспособляться к обстоятельствам и идти на сделки с собственной совестью. Такое описание характера мотивирует его будущее участие во всевозможных интригах и происках. Следует отдать должное русскому переводчику: всю ироничную окраску портрета, пародийный пафос персонажа он передал вполне адекватно. Фразы «суждено играть немаловажную роль», «положительно не знал», «прилаживался ко всякому количеству как получаемой, так и краденой пищи» переведены вполне органично и стилистически корректно. Кроме того, очевидны попытки адаптации для русского читателя некоторых специфических и национальных реалий: имя «Peter» было переведено как «Петр», английская мера веса стоун (stone) передана в пудах. Тем не менее, повсеместно удалив из перевода повести полемический контекст, переводчик приходит к тому, что персонаж приобретает черты обыкновенного героя пикарески, что не входило в замыслы автора.

Пространственно-временные координаты повести «Catharine» также имели свои художественные особенности, которые отмечает ряд иссле-

дователей. В частности, К. Холлингсворт указывает, что «это первый фон восемнадцатого столетия, который Теккерей изобразил с такой симпатией. Характеры восемнадцатого века, манеры восемнадцатого века восхищали его; здесь можно найти, в этом первом историческом очерке, все то же любопытное качество близости с расстояния, которое проходит через большинство его работ. Персонажи похожи на диапроектор; они проецируются вглубь из своего исторического окружения, но напоминают, что все они выдуманы» [5. С. 153]. В.В. Ивашева интерпретирует историзм Теккерей несколько по-другому: «Однако в этом первом произведении Теккерей не заботится об историзме образов. События, о которых здесь рассказывается, кроме некоторых эпизодов, без особой натяжки могли быть отнесены к XIX столетию, к тем дням, когда жил сам писатель. Правда Теккерей контурно намечает исторический фон, воспроизводя быт и нравы наемных английских войск начала XVIII века» [6. С. 93].

Тем не менее, оба литературоведа отмечают определенную условность исторического повествования в повести Теккерей, что объясняется самой ориентацией пародии на ньюгейтский роман. В нем, как известно, авторы часто обрисовывают историческую среду весьма схематично, не имея целью показать широкую историческую панораму, а для того, чтобы сконцентрировать внимание на соответствующих (криминальных) обстоятельствах, проследить взаимоотношения преступника и общества. В этом плане Теккерей следует за писателями ньюгейтской школы и вводит в повествование исторические реалии и факты XVIII в. лишь для создания фона.

Переводчик «Биржевых ведомостей» не всегда адекватно передавал эту особенность произведения, порой избегая указывать точные даты, национальные реалии, изначально присутствующие в повествовании:

Catherine
The «Liverpool carryvan» then, which in the year 1706 used to perform the journey between London and that place in ten days, left Birmingham about an hour after Mrs. Catherine had quitted that town; and as she sat weeping, jingling vehicle overtook her [8. P. 91–92].

Екатерина
 «Ливерпульский омнибус», служивший для сообщения между Ливерпулем и Лондоном, совершал этот путь в десять дней; он вышел из Бирмингама час спустя после того, как миссис Кэт оставила этот город, и пока она, плача, сидела на пригорке у дороги, тяжело нагруженный экипаж настиг ее [9. С. 3].

Дословный перевод
 Тогда «Ливерпульский фургон», который в 1706-м году выполнял поездки между Лондоном и тем местом за десять дней, уехал из Бирмингема около часа спустя после того, как миссис Катерина покинула город; и, когда она сидела рыдая, дребезжащий фургон догнал ее.

Помимо пропуска даты, следует отметить и свободное обращение переводчика с синтаксисом оригинала, что является в целом характерной чертой данного перевода. Теккерей достаточно часто употребляет в повествовании точку с запятой и другие знаки препинания, создавая характерный ритм текста. Переводчик «Биржевых ведомостей» позволял себе

делить целые фрагменты текста на абзацы или, наоборот, объединять их, менять знаки препинания, как в приведенном выше примере. Такой подход совершенно менял ритм и стиль произведения, не передавая его художественные особенности в полной мере.

В целом при анализе русского перевода повести У.М. Теккерея «Catherine» очевидна тенденция к игнорированию именно тех фрагментов текста, которые составляют его полемичность и пародийность по отношению к ньюгейтскому роману. Таким образом, одна из основополагающих художественных особенностей повести Теккерея оказалась не переданной при переводе на русский язык, и переводчику не удалось передать ту интертекстуальность, о которой мы говорили ранее. Одновременно со всевозможными стилистическими недочетами рассматриваемое переводное произведение оказывается практически выведенным из контекста ньюгейтской традиции. Этот факт может быть объяснен как местом публикации («Биржевые ведомости» не ставили задачу донести до читателей все художественное своеобразие подлинника), так и ее временем (1870-е гг. – период, когда переводы и обсуждение английских социально-криминальных романов стали реже встречаться на страницах русской периодики, наблюдается спад интереса к данной тематике).

Литература

1. *Тамарченко Г.Е.* Чернышевский – романист. Л. : Худ. лит., 1976.
2. *Матвеевко И.А.* Интерпретация ньюгейтского романа в творчестве Ф.М. Достоевского: к вопросу об интертекстуальных связях // Сибирский филологический журнал. 2010. № 3. С. 79–86.
3. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977.
4. *Васильченко Т.В.* О различных подходах к передаче культурно-маркированной лексики в англоязычных переводах романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2010. № 1 (5) : в 2 ч. Ч. I. С. 65–69.
5. *Hollingsworth K.* Newgate novel, 1830–1847. Bulwer, Ainsworth, Dickens and Thackeray. Detroit : Wayne State University press, 1963.
6. *Иваева В.В.* Теккерея – сатирик. М. : Изд-во МГУ, 1958. 304 с.
7. *Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб. : СПбГУ, 2002.
8. *Thackeray W.M.* Catherine: a story. Leipzig, 1870.
9. *Теккерей.* Екатерина // Биржевые ведомости. 1971. № 60.

W.M. THACKERAY'S PARODY OF THE NEWGATE NOVEL «CATHARINE» IN RUSSIAN TRANSLATION

Matveenko I.A.

Summary. The article deals with the problem of the Russian translation of W.M. Thackeray's Newgate parody «Catherine». The analysis has shown that one of the main peculiarities of Thackeray's story, i.e. parody of Newgate novel and its polemic character was not transferred in the Russian translation. The translator of «Birzhevy vedomosti» did not render the intertextuality of the parody story.

Key words: Newgate novel; parody; translation; artistic peculiarities; narration; intertextuality.